

УДК 159.922.4

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/43>

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛЕЗГИНСКОГО ЭТНОСА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

©Швец Л. К., ORCID: 0000-0002-1305-1531, Тихоокеанский государственный медицинский университет, г. Владивосток, Россия, s.l.k.97@mail.ru

ETHNO-CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF LEZGIN ETHNOS EXPERIENCES IN EXTREME SITUATIONS

©Shvets L., ORCID: 0000-0002-1305-1531, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, s.l.k.97@mail.ru

Аннотация. В данной статье описываются культурно–этнические особенности представителей лезгинского этноса. Были описаны нравственно–этические основы взаимодействия внутри лезгинского этноса, гендерные нормы в этнической культуре, особенности детско–родительских взаимоотношений и психологическая характеристика представителей данного народа. Также, основываясь на культурных и этнических особенностях, были выдвинуты предположения касательно возможных вариантов переживания экстремальных ситуаций.

Abstract. This article describes the cultural and ethnic characteristics of the representatives of the Lezgin ethnic group. Moral–ethical foundations of interaction within the Lezgin ethnic group, gender norms in ethnic culture, features of parent–child relationships, and psychological characteristics of representatives of a given people were described. Also, based on cultural and ethnic features, assumptions were made regarding possible options for experiencing extreme situations.

Ключевые слова: лезгинский этнос, лезгины, национальности, психология этноса, этнические особенности, экстремальные ситуации.

Keywords: Lezgin ethnos, Lezgins, nations, ethnic psychology, ethnic features, extreme situations.

Актуальность статьи обусловлена межнациональным обстоятельством значимости изучения этнической идентичности. Факт исследования какой-либо нации, ее индивидуальной истории, духовенства и культуры, жизненного уклада, исследования выраженных психологических характеристик отдельного этноса, формирующихся в том числе благодаря многолетней специфической жизнедеятельности на определенной территории, имеет первостепенную важность для современного толерантного построения взаимоотношений между государствами, распространения явления космополитизма, пропаганды международной солидарности, а также для постановки предположений касательно аспектов реагирования представителей каждой народности на стимулы окружающего мира.

Лезгины испокон веков локализовались в юго-восточной части Дагестана и смежных районах северной части Азербайджана. Согласно литературному анализу, для нравственно-

этических основ взаимодействия лезгин характерна высокая степень общности, социального объединения, подкрепленного пластом моральных традиционных положений, закрепленных в ментальных структурах многочисленных поколений коренного населения. Так, М. Ш. Ризаханова постулирует, что перед началом строительства дома хозяйка семейства с другими женщинами селения была обязана провести общепринятую процедуру — приготовить праздничные традиционные блюда и отправиться в определенное священное место, где полагалось читать молитвы за успешный и своевременный исход начинающегося возведения дома [1].

После этого мероприятия глава семейства, мужчина, устраивал пышное угощение (с большим обилием мясных блюд) для приглашенных заранее гостей, куда входили как близкие родственники, так и дальние соседи поселения. В процессе трапезы хозяин объявлял о начале строительства, получая в ответ положительные напутствия и пожелания удачи от пришедших. Стремление к взаимной помощи и коллективистскому труду прослеживается и в трудных жизненных ситуациях у отдельной семьи, когда их соседи, родственники и даже односельчане считали своим моральным долгом оказать поддержку и нивелировать возникшие проблемы у других представителей их нации [2].

Также массовое сознание и единение проявлялись в коллективной ежегодной сборке урожая и сенокосе, сопровождающейся всеобщим праздником и приготовлением угощений для трудящихся, что подтверждает значимость и уважение физической деятельности в глазах лезгинской социальной группы [3].

Таким образом, можно предположить, что особенности лезгинского самосознания в большей части сформированы из положения внешней зависимости поведения и реагирования от социального мнения и морально-этического долга перед референтной (этнической) группой.

Рассматривая особенности гендерных норм лезгин, необходимо обратиться к традиционным пословицам данной национальности, так как именно в подобных дефинициях содержатся основные культурно-этические характеристики, описывающие женское и мужское мировоззрение и бытие. Так, пословица «Если много девочек, то семья будет богата коврами, если много мальчиков, то богата лошадьми» раскрывает сознательное содержание убеждений лезгин касательно половых дифференциаций в основных видах деятельности и функциональности у девушек и парней [4].

Соблюдение гендерных норм наблюдается также во внешней саморепрезентации, так, у лезгин существует перечень этнических правил, касающихся цветов и фасона женской одежды, видов женских причесок, украшений, что было сопряжено в соответствии с возрастом и брачным статусом девушек и зрелых женщин. Б. М. Алимова в своем научном труде описывает, что у лезгинок существует элемент магического мышления, согласно которому, если девушка носит одну косу, а не две — она никогда не выйдет замуж [5]. Этому даже посвящено часто встречающееся выражение у лезгин, когда они хотят оскорбить девушку: «Чтоб ты с одной косой осталась».

Гендерные нормы лезгин также соблюдались в процессе приема пищи, особенно строго в том случае, если в дом приходил гость — мужчины находились и обедали в основном зале, женщины в это время были на кухне [6]. Исторически сложилось, что лезгины, как и остальные национальности Кавказа и Дагестана, были вынуждены парировать бесчисленные вторжения иноземных агрессоров-оккупантов — хазаров, гуннов, татаро-монголов, персов, арабов [1].

Таким образом, объяснимо, что внутри данного этноса, столетиями воевавшего за собственный суверенитет, были созданы образы мужественных защитников родной земли.

Т. И. Абдурахманова постулирует, что так как одним из наиболее популярных литературных героев лезгин является богатырь Шарвили, изображение которого существует как в изобразительном, музыкальном, так и живописном жанре уже не первое столетие, это подтверждает стереотипизацию мужчины в качестве защитника, храброго воина, в отличии от женщины, чья основная гендерная роль сводится к материнству и соблюдению домашнего хозяйства [7].

Особенности гендерного взаимодействия также наблюдаются в покровительстве и заботе мужчин о чести и достоинстве девушек. Так, М. Ш. Ризаханова описывает, что даже словесное унижение девушки посторонним мужчиной расценивалось как прямая угроза ее жизни, и могло повлечь за собой так называемую «кровную месть» со стороны родственников пострадавшей. Обычно главы общины поселения вмешивались в конфликт и предлагали разрешить подобную ситуацию в мирных условиях – выдачей девушки замуж за обидчика [1].

З. М. Гаджимурадова [8] приводит в пример тенденцию к модернизации гендерной ситуации в современных условиях, постулируя, что в настоящий момент общую совокупность молодого населения лезгин можно разделить на консерваторов и интегратистов. Согласно автору, консерваторы представлены в пределах 75% от общего числа исследованных ею респондентов: они пассивны к модификациям, не проявляют когнитивной и поведенческой гибкости, ретроградны в убеждениях ценности общественного мнения и традиционной морали. В свою очередь, около четверти респондентов от общего количества исследованной лезгинской молодежи составляют интегратисты. Они характеризуются прогрессивными взглядами, специфическим фактором мировоззрения которых является стремление к ценностным ориентациям западной индивидуалистической культуры со свойственным ей культом личностной свободы, тенденцией к субъективности и борьбой за свои права перед общественно-государственным аппаратом.

Доказательством всеобщей важности, которой наделялся процесс деторождения, что идентифицировало определенную семейную ячейку как социально одобряемую и полноценно действующую, у лезгин являются многочисленные пословицы, представляющих собой концентрацию многовековых традиционных постулатов. Такие пословицы как: «Пусть ворота не останутся без сына, пусть мать не останется без дочери», «Самое сладкое дыхание — дыхание ребенка, самый сладкий голос — голос ребенка», «У кого нет детей, у того нет веры», указывали на ценность материнства, на поощрительную роль данной функции для лезгинского народа [3]. Также, самым большим оскорблением для девушки являлась фраза: «Ваз веледдин чин такурай» (Да не увидишь ты лица своего ребенка). Таким образом, можно предположить, что человек, не состоявший в браке и не имеющий детей, в лезгинском общественном пространстве представлялся индивидом неблагополучным и обреченным на страдания, что подтверждает ценность детско-родительских отношений в системе убеждений лезгинского народа.

Для матерей стояла первоначальная задача развить и сформировать у дочерей кулинарные навыки, так как высокий уровень способности приготовления пищи был связан с высокой вероятностью выгодного замужества для нее, так как это означало, что девушка сможет поддерживать комфортабельное удовлетворение потребности во вкусной еде. С. С. Караханов [6], описывая вышеизложенную традицию, приводит в пример тот факт, что зачастую, перед тем как заключить брак, семья мужа опрашивала соседей и знакомых родственников жены на предмет того, насколько вкусно и разнообразно готовит будущая теща, так как именно она была ответственна за степень развития кулинарных умений дочери. Гендерная социализация у лезгин с самых ранних лет придерживается строгого соблюдения

этапов развития — так, с трехлетнего возраста дочери, ее мать и другие женщины начинали приобщать ребенка к кройке, шитью и пряже, также они поощряли такие детские игры у девочек, как игра в «свадьбу», где те играли будущих невест. Мальчики же предпочитали активные и требующие физической подготовки игры, такие как городки, мяч.

Как было уже изложено ранее, исходя из положения, что лезгинский народ старается максимально аккуратно и первозданно сохранить традиционные устои и этнические нормы, дети с ранних этапов развития были обязаны выучить минимум шесть поколений своих предков, их мифы, традиционные обряды и семейные ритуалы. М. К. Мусаева [9] считает, что таким образом, еще в раннем детстве, ребенок вступает в контакт с многозначностью национального колорита, что связывает человека с его народом, запускает процесс идентификации с лезгинским этносом. Также автор отмечает, что главными обязанностями детей по отношению к родителям являются уважение и послушание, приобщение к труду, который тоже имел гендерную дифференциацию. Так, девочки с раннего детства учились домашнему хозяйству, уборке помещения, присматривали за младенцами, проявляя такие психологические качества, как забота, внимательность, аккуратность, кротость. Мальчики же пасли овец, управлялись с лошадьми, принимали участие в перевозке сена, молотье, что требовало хорошей физической подготовки, выносливости, активности, инициации.

Рассматривая вопрос престижа у лезгин, представляется возможным обратиться к трудам С. Ш. Гаджиевой [10]. Согласно автору, тенденция к самовозвеличению у девушек наблюдалась при наличии большого количества кровных братьев, что было обусловлено традиционным убеждением в высоком уровне воспитания такой девушки, хозяйственности, послушании и умении обращаться с мужчиной. Подобное положение увеличивало ее шанс на хороший брак, получение уважения и признания со стороны общественности. Следующей характеристикой, являющейся устойчивым психологическим социально-одобряемым качеством у лезгин, является нравственность. Так, одним из обязательных условий, предъявляемых к невесте, было строгое соблюдение моральных устоев, условно регламентированных правил чести и традиционных моделей поведения в межличностных отношениях, в особенности с противоположным полом. Будущий муж также должен воспитать в себе ряд нравственных характеристик, в числе которых беспрекословное уважение к родителям и предкам, приверженность к труду, материальное обеспечение семьи.

Одним из главных и значимых элементов психологии лезгин является повсеместная вера в сверхъестественное, что отражает сферу магического мышления у данного народа. Наделение символическим смыслом прослеживается даже в ритуале прятанья и хранения первого выпавшего зуба у ребенка, являющегося иррациональным предиктором здоровья будущих коренных зубов у детей, о чем свидетельствуют материалы С. Ш. Гаджиевой [10].

Особенности горевания и переживания потери у лезгин характеризуется также общественным и коллективным механизмом действия. Так, согласно М. К. Мусаевой [11], обязательным являлась материальная и моральная поддержка родственников умершего при похоронах. Выразить свои соболезнования было необходимо всем, даже жителям близлежащих селений, для которых семья усопшего готовила различные традиционные поминальные угощения и предоставляла отдельные комнаты для временного проживания. Обязательным ритуалом горевания у лезгин являются похоронные песни-плачи, наделенные эмоциональной и этнической ценностью проживания процесса потери объекта. З. М. Косоева в своем научном труде поясняет, что магическая функция причитаний состоит в том, чтобы расположить покойника к себе слезами, создать ему благоприятную обстановку на том свете [12]. В изобразительно-выразительных плачах-причитаниях лезгин, как и у всех народов, выражается скорбь по умершему, по тем, кто остался в мирском существовании без

отца, матери, тещи, зятя и др. Характерной особенностью плачей является то, что покойник наделяется всевозможными положительными чертами и достоинствами. У лезгин прослеживается тесная связь между восприятием человеческой потери и веры в дальнейшую помощь усопшего в настоящей трудной жизненной ситуации. Так, С. Ш. Гаджиева [13] описывает прецеденты, что бездетная женщина, решившая излечиться от бесплодия (как было упомянуто выше, отсутствие ребенка стигматизировало девушек как отчужденных, неуважаемых членов общества) должна была три раза пройти под носилками в то время, когда покойного несли на кладбище, или она три раза проходила под корытом, в котором обмывали тело покойного. По свидетельству С. Ш. Гаджиевой, в некоторых лезгинских селениях для исцеления от бесплодия использовали воду, оставшуюся после обмывания тела покойного [13].

Экстремальная ситуация — это подвергшаяся модификации, не являющаяся обыденной для индивида действительность, в которую человек переходит из предыдущей повседневности и из которой человек направлен на дальнейший переход [14]. Исходя из положения, что национальная идентичность лезгин фактически развивалась в постоянно возникающих экстремальных условиях, где население регулярно находилось в военном положении, можно предположить, что этнос этой группы адаптирован к реагированию на внезапно возникшие стрессовые условия. Учитывая такие выявленные в ходе литературного анализа психологические характеристики, свойственные лезгинскому этносу, как коллективизм, приверженность к конформизму, традиционным ценностям, стремление к взаимопомощи и единой системе мировоззренческих представлений, можно предположить, что в экстремальных ситуациях представители данного этноса будут действовать исходя из иерархии подчинения более старшим и высокопоставленным людям, где основной идеей будет сохранение лезгинской идентичности и нравственной свободы, чести, культурного наследия и достоинства лезгинского народа. З. М. Гаджимурадова в ходе проведенного исследования делает выводы, что у мужчин лезгинской национальности фрустрация проявляется преимущественно в агрессивных реакциях, у женщин — в игнорировании, что также может быть подтверждено вышеуказанным гендерным нормам у лезгин, а также особенностям воспитания и детско-родительским отношениям, зависящим от половой принадлежности ребенка [8]. Исходя из положения структуризации образа мужчины как храброго, сильного защитника своей семьи, территории и этнических ценностей, можно предположить, что в условиях экстремальной ситуации мужчины будут принимать на себя активную позицию, проявляя агрессивные и конфронтационные тенденции, в то время как женщины должны будут обеспечить эмоциональное переживание конфликта, выражая боль и страдание. Можно предположить, что лезгинский народ в экстремальной ситуации будет функционировать в соответствии с этическим традиционным кодексом морали и нравственности, заложенным многовековым становлением лезгинской идентичности, где существует феномен самопожертвования за национальные интересы, так как ориентация на западную модель индивидуализма не поддерживается и порицается в данном этносе.

Список литературы:

1. Ризаханова М. Ш. Лезгины XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. 145 с.
2. Джавадова Л. Д. Национально-художественные традиции в лезгинской литературе // Вестник Социально-педагогического института. 2012. №(2). С. 23-32.
3. Гашарова А. Р. Жанр притчи в лезгинском фольклоре // Гуманитарные науки и образование. 2017. №1 (29). С. 109-111.

4. Гашарова А. Р. Антиклерикальные мотивы в фольклоре лезгин // Исламоведение. 2017. №8 (4). С. 72-80.
5. Алимova Б. М. Мусаева М. К., Агомедханов М. М. Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб, 2013. 344 с.
6. Караханов С. С. Брак и свадебная обрядность лезгин-карчагцев в XIX-XX веках // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. №3 (204). С. 7-57.
7. Абдурахманова Т. И. Актуализация мифа в лезгинской литературе конца XX века: выход в общевразийское художественное пространство (к теории вопроса) // Вестник Социально-педагогического института. 2016. №2 (18). С. 41-51.
8. Гаджимурадова З. М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и молодого поколений аварцев и кумыков). Махачкала, 2002. 192 с.
9. Мусаева М. К. Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // История, археология и этнография Кавказа. 2017. №4. С. 115-124.
10. Гаджиева С. Ш. Брак и свадебная обрядность кумыков в XIX - начале XX в. // Ученые записки Института истории языка и литературы. Махачкала. 1959. Т. IV. С. 122-130.
11. Мусаева М. К. Традиционные обычаи и обряды у народов Южного Дагестана, связанные с бесплодием // История, археология и этнография Кавказа. 2006. №8. С. 107-115.
12. Косоева З. М. Некоторые элементы похоронно-поминальных обрядов народов центрального Дагестана (традиции и современность) // Научное обозрение: сб. ст. ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2007. С. 44-50.
13. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX в. М.: Наука, 1985. 70 с.
14. Кадыров Р. В. Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сб. науч. ст. международной научно-практической конференции. Владивосток, 2011. 44 с.

References:

1. Rizakhanova, M. (2005). Sh. Lezginy XIX - nachala XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Makhachkala. (in Russian).
2. Dzhabadova, L. D. (2012). Natsional'no-khudozhestvennye traditsii v lezginskoi literature. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta*, (2), 23-32. (in Russian).
3. Gasharova, A. R. (2017). Zhanr pritchi v lezginskom fol'klore. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, (1), 109-111. (in Russian).
4. Gasharova, A. R. (2017). Antiklerikal'nye motivy v fol'klore lezgin. *Islamovedenie*, (8), 72-80. (in Russian).
5. Alimova, B. M. Musaeva, M. K., & Agomedkhanov, M. M. (2013). Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazei v urbanisticheskoi srede. St. Petersburg. (in Russian).
6. Karakhanov, S. S. (2017). Brak i svadebnaya obryadnost' lezgin-karchagtsev v XIX-XX vekakh. *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta*, (3), 7-57. (in Russian).
7. Abdurakhmanova, T. I. (2016). Aktualizatsiya mifa v lezginskoi literature kontsa XX veka: vykhod v obshcheevraziiskoe khudozhestvennoe prostranstvo (k teorii voprosa). *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta*, (2), 41-51. (in Russian).
8. Gadzhimuradova, Z. M. (2002). Etnicheskoe samosoznanie dagestantsev na poroge XXI veka (na materiale sravnitel'nogo issledovaniya etnostereotipov starshogo i molodogo pokolenii avartsev i kumykov). Makhachkala. (in Russian).

9. Musaeva, M. K. (2017). Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' narodov Dagestana v sovremennykh gorodskikh usloviyakh. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza*, (4), 115-124. (in Russian).

10. Gadzhieva, S. Sh. (1959). Brak i svadebnaya obryadnost' kumykov v XIX - nachale XX v. *In Uchenye zapiski Instituta istorii yazyka i literatury, Makhachkala. IV. 122-130.* (in Russian).

11. Musaeva, M. K. (2006). Traditsionnye obychai i obryady u narodov Yuzhnogo Dagestana, svyazannye s besplodiem. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza*, (8), 107-115. (in Russian).

12. Kosoeva, Z. M. (2007). Nekotorye elementy pokhoronno-pominal'nykh obryadov narodov tsentral'nogo Dagestana (traditsii i sovremennost'). *In Nauchnoe obozrenie: Sb. st. assotsiatsii molodykh uchenykh Dagestana. Makhachkala, 44-50.* (in Russian).

13. Gadzhieva, S. Sh. (1985). Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX - nachale XX v. Moscow. (in Russian).

14. Kadyrov, R. V. (2011). Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: *Sb. nauch. st. mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vladivostok.* (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 08.03.2020 г.*

*Принята к публикации
11.03.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Швец Л. К. Культурно-этнические и психологические особенности переживаний лезгинского этноса в экстремальных ситуациях // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №4. С. 394-400. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/43>

Cite as (APA):

Shvets, L. (2020). Ethno-Cultural and Psychological Peculiarities of Lezgin Ethnos Experiences in Extreme Situations. *Bulletin of Science and Practice*, 6(4), 394-400. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/43> (in Russian).